

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

УНИВЕСАЛИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Круг аксиологич. понятий, в которых определены итоги технологической деятельности; ее продукты со втор. пол. XVIII в. стали восприниматься как энтропийный негатив культуры (энциклопедисты). В отличие от **универсалий культуры**, универсалиям цивилизации присущ лже-экзистентный характер, они знаменуют количества прогресса, а не глубинные качества исторической жизни. В универсалиях цивилизации человек овнешнен всей совокупностью забот о выживании; как субъект интенции самосохранения, он не может быть творцом культуры, а как генератор духовных ценностей он – за пределами «обстоятельствующей» несвободы. Поэтому УЦ наделены опознавательными-атрибутивными, а не сущностным смыслом, что затрудняет их описание как устойчивых структур. Ряд сравнительно стабильных универсалий цивилизации перекрывается списком инверсированных индексов культуры. Оппозиции «дом / город», «традиция / мода», «искусство / порно», «св. мощи / Мавзолей», «гадание / азартная игра», «деревня / поселок («городского типа)», «инициация / пытка», «спортивное единоборство / дуэль», «путешественник / Робинзон» лишь частично совпадают левыми частями с «культурой», а правыми – с «цивилизацией»: в конкретных ситуациях разных эпох они могут меняться местами (см. смену ценностного статуса старых афиш, открыток, этикеток, бытовой посуды и мебели, весов, футляров и шкатулок, научных игрушек, городских вывесок или живописных украшений питейного интерьера – Т. де Лотрек, Н. Пирсоманишвили). В обыденном сознании

«цивилизации» обычно противопоставлена не «культура», а «варварство». Подлинно критическое осмысление цивилизации возникает, когда проявляется кризис частного присутствия творческого «я» в мире. Если в описании Гоголем Парижа («Рим», 1842) фиксируется «страшное царство слов вместо дел», мы имеем дело с отрешенным от исторической жизни и от культуры человеком-героем в окружении атрибутов новейшего варварства и «водевильной» мимикрии культуры (в своем веке Г. Гессе назовет пору пожирания культуры цивилизацией «фельетонистической эпохой»). Символ культуры – живое творчество; знак цивилизации – мертвое воспроизводство, агрессивно актуализуемое в терминах техники, в списках «ширпотреба» и в «поэтике» его рекламы, в фактуре денежных и товарных знаков, в социальной иерархии профессий, в таком выразительном атрибуте цивилизации, как городской мусор. Цивилизация есть ржавчина культуры, и в этом состоянии коррозии и порчи несомненные артефакты памяти (книга, музей, кладбище) мгновенно обретают не завещанные традицией роли («чтиво», «спецхран», «крематорий»), привыкание к которым подпитывается страхом обывателя перед культурой и ее носителями, аналогичном специфично городскому страху перед смертью и историей (будущим). Новинки цивилизации неизбежно становятся источниками угрозы (авто, воздушный шар, аэроплан, телефон, синема, бомба, наркобизнес, телевизор, компьютер). Осознанные как свидетельства прогресса, они вносят молчаливо санкционированную долю злого в истории, оправданы в роли

катализатора социальной эволюции и своего рода компенсации (в поствоенных ситуациях). В мире цивилизаторских достижений человек не является самоценным героем, он обращен в функцию потребления и в функционера комфорта.

«Техника» и «механическое» – цивилизационные сублиматы культуры возглавляют список УЦ. Пафос культурного зодчества и творческая гениальность уступают место накопительству изобретений и приспособленческой ловкости. В пространстве цивилизации нет места историософии, философской антропологии и религиозному опыту. Характерные для Запада попытки отыскать «дискурс вещей» (Ж. Бодрийяр) или, что того хуже, «библейские источники секуляризации» (Х. Кокс) легализуют противозастенный перенос ценностных содержаний категорий культуры в рамки УЦ (ср. мировой восторг перед исчислением прогресса в шагах «четырёх модернизаций» или перед «японским чудом»). Подлинно культовое значение обретают коммерция и деньги. После введения Екатериной Великой бумажных ассигнаций (1769; упразднены в 1849) возникает мистика денег, а позже – облигаций, чеков и векселей в рамках особой семиотики бумаги. Плакатно-риторический характер изображений на монетах и ассигнациях и банковских билетах, словарь товарных знаков и семантическая конъюнктура в композиции фирменных бланков и квитанций работают на воздвижение царства мнимостей, мифологии власти и демонической эстетики Ничто. Цивилизаторское мышление создает особую мифологию культуры: антропоморфизируются машины (ср.: куклы Гефеста, Голем, роботы, персонажи виртуальной реальности) и электроника; этот процесс проявляет готовность к смысловой инверсии (см. **Кукла**). Имперская идеология внушает образ человека-винтика; масс-медиа (кич) претендует на подлинность. В истории философии защитниками цивилизаторских успехов становятся адепты эмпирического (позитивисты, сциентисты, «диапатчики», глобалисты) и псевдоэмпирического (мальтузианство; «лысенковщина»; современное «научное» шарлатанство в реанимированных формах астрологии, экстрасенсорики и погони за НЛО) опыта. Так называемая футурология пытается осознать себя философией прогресса (С. Лем). Популярные описания циклических фаз развития человечества (Гесиод, Дж. Вико, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов, О. Шпенглер, П. Сорокин,

А. Тойнби, К. Ясперс) грешат хроническим смешением культуры и цивилизации как разнонаправленных потоков эволюции. Продуктивные попытки размежевания культуры и цивилизации принадлежат современной философии техники (Франкфуртская школа). К универсалиям цивилизации принадлежит широкий круг социально-ролевых и предметно-символических репрезентаций власти и государства, бюрократических иерархий, систем запретов; языки служебного общения, технические средства пропаганды и рекламы; эмблематика и геральдика социально авторитетной титулатуры; знаковые маркеры господствующей идеологии; официальный церемониально-зрелищный этикет. Так называемая «официальная культура» на деле есть патология или мимикрия культуры с переводом ее основных параметров в реликтовые формы цивилизации. Показателем отчуждающего характера цивилизации является тот факт, что направленный на усовершенствование средств общения прогресс аудио- и видеотехники на самом деле служит деградации диалогических качеств мышления и поведения. Если культура есть память и диалог с историей и с Другим, то цивилизация, профанированный двойник культуры, направленно воспитывает голосовую глухоту и амнезию; она завещает человеку вместо любви к ближнему инструкцию по сексу, а вместо творческого самораскрытия – гедонистическую программу удобной жизни. Псевдоценности цивилизации утверждены на презумпции бестревожного покоя и атавистического рефлекса самосохранения. Гуманизм цивилизаторского мира есть «разумный эгоизм» пользы (Н. Чернышевский). При этом гипертрофируется реальный статус научного знания; природа из «храма» превращается в «мастерскую» (в соответствии с лозунгами героя тургеневского романа Базарова; см. апологию этой позиции у Д. Писарева); «научно» дезавуируются права ребенка, истощаются недра, истребляются животные и растения (К.Э. Циолковский призвал к уничтожению животных как лишних для жизни будущего человека), милитаризуются социумы и производство. На языке УЦ оправдываются **преступное состояние мира**, кризисная энтропия культурной памяти, войны и агрессивное «добро с кулаками». Впечатляющие современника успехи цивилизации, ее присутствие во всех областях социального бытия и быта не отменяют античеловеческого содержания УЦ, сколько ни значимым может показаться их роль в картинах мирового прогресса.

Исследования: *Аверинцев С. С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философ. общества СССР. 1991. Культура и религия. М., 1991. С.183–203; *Арзаканьян Ц.Г.* Культура и цивилизация // Вестник истории мировой культуры. М., 1961. № 3; Трактовка гуманизма в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации // От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела. М., 1969; *Байбури А.К., Левитов Г.А.* // Тезисы к проблеме: «волшебная сказка и свадьба» // *Quinquagenario*. Тарту, 1972; *Бердяев Н.А.* Дух и машина // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 216–213; Царство Духа и Царство Кесаря (гл. II. – Человек и Космос. Техника) // Там же. С. 245–252; *Бодрийяр Ж.* Система вещей, 1968. М., 1995; *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977; *Гессе Г.* Игра в бисер, 1943; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895 (М., 1995); *Кокс Х.* Мирской Град, 1965. М., 1995; *Конрад Н.Н.* Запад и Восток. М., 1972; *Лем С.* Сумма технологий, 1964 (М., 1975); *Леонтьев К.Н.* Византия и Славянство // Восток, Россия и Славянство. Сб. статей: В 2 т. М., 1895. Т.1; *Лотман Ю.М.* 1) Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. Вып. 1; 1973. Вып. 2; 2) Массовая культура как историко–культурная проблема // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1993. Т. III. С. 380–388; *Маркарян Э.С.* О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация, 1956. Киев, 1995; Одномерный человек, 1964. Киев, 1994; *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966; *Новикова А.И.* Понятие цивилизации и его познавательные функции // Философия и культура. М., 1987. С. 174–194; Ноосфера и художественного творчество. Сб. статей. М., 1991; Освальд Шпенглер и Закат Европы. Сб. статей Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка. М., 1922; Панорама современных наук. Нью Йорк, 1982; Первый Российский философский конгресс «Человек – философия – гуманизм». Тезисы докладов: В 7 т. СПб., 1997. Т. 4. Философия в мире знания, техники и веры; *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991; *Петрухин В.Я.* О функциях космологических описаний в погребальном культе // Обычай и культурно–дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979; *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // Русский вестник, 1892. Т. 218. С. 156–188; *Семенов Ю.Н.* Социальная философия А. Тойнби. М., 1980; *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1993; *Федоров Н.Ф.* Мефистофель как выразитель светской культуры // Н.Ф. Федоров. Соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 204; *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. статья и прим. К.А. Свасьяна. М., 1993; *Яценко К.* Смысл истории. М., 1995; Утопия чистоты и горы мусора (*Studia Litteraria Polono-Slavica*. V. 4). Варшава, 1999; *Benveniste E.* Civilisation. Contribbucion a l'histoire du mot // Eventall de l'histoire vivante. Paris, 1953. Vol. 1. P. 47–54; *Gallot E.* Civilisation et civilisations. Recherche d'une philosophie inquiry into Freud. London, 1956; *Gowel F.R.* Values in human society. The contributions of P.A. Sorokin sociology. Boston, 1970; Net J. U. Cultural foundations of industrial civilization. Cambr. (Mass.), 1958; *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. New-York, 1962. Vol. 1–4.

ФАКТ / СОБЫТИЕ

Уровни исторической экзистенции. Факт – внесмысловая элементная наличность происшедшего, он не порождает других фактов, фабульно маргинален, представляет материальную периферию исторического процесса, пребывает в модусах случайного, дискретного, детального, не уникален и взаимозаменяем; фиксируется в рангах возможности, в формах слуха и сплетни, не нуждается в свидетеле и не актуален для задач хранения и наследования информации. Факт – это форма апофатического бытия события, его эмбрион. Событие есть факт в статусе автономной существенности: оно оставляет след в поле детерминант, провоцирует динамику процесса; событие актуально вплетено в мировое целое, репрезентирует целостность мира во всей полноте наблюдаемых состояний, обладает аксиологическим приоритетом для свидетеля и прагматической уместностью для общественного опыта; маркируется в терминах мнемонической и пропедевтической ценности; служит юридическим аргументом («казус») и элементом исторического объяснения, входя в качестве таковых в соци-

альную память; составляет основной фон человеческой действительности; является эмпирическим сырьем для зодчества жизни и творческого поведения. Аксиология события состоит в его свойстве отвечать за всю смысловую целостность актуальной связанной с ним конкретной событийной композиции; в этом плане событие есть конструктивно значимый момент **эстетики истории**. Факт может быть бесспорным в цепочке каузально связанных явлений. Но он живет плоской жизнью натурального самообозначенья, являясь как бы «макетом» события, напр.: факт-гипотеза – «Александр I не умер в Таганроге» есть возможность события – «Фёдор Кузьмич». Не–событие (т.е. факт) прошлого (напр., обычный ренессансный портрет юноши) нагружается символической значимостью события (А. Блок увидел в таком портрете свое изображение; см. дневниковую запись от 29 июля 1903 г.). Событие – это факт, уличенный в смысле, облеченный в смысл. Событие – это осмысленный факт. По Л. Толстому, смыслы событий возникают, когда они «вырезаются в свое значение»; в «Люцерне», 1857 герой, наблюдающий, как со-